

LE ROMAN DE TRISTAN ET YSEUT

Ж О З Е ѿ Б Е Д Ь Е

Роман
о
Мусмане и Узорде

Иллюстрации Дениса Гордеева

fanzon

МОСКВА
2023

Оглавление

Глава I. Детские годы Тристана	7
Глава II. Морольд Ирландский	15
Глава III. Поиски златовласой красавицы	22
Глава IV. Любовное зелье	36
Глава V. Бранжьена отдана рабам	42
Глава VI. Большая сосна	47
Глава VII. Карлик Фросин	57
Глава VIII. Прыжок из часовни	62
Глава IX. Лес Моруа	71
Глава X. Отшельник Огрин	82
Глава XI. Опасный брод	87
Глава XII. Суд раскаленным железом	95
Глава XIII. Трели соловья	103
Глава XIV. Волшебная погремушка	110
Глава XV. Белорукая Изольда	114
Глава XVI. Каэрдин	123
Глава XVII. Динас из Лидана	129
Глава XVIII. Тристан-юродивый	136
Глава XIX. Смерть	148

Глава I

Детские годы Тристана

Е ЖЕЛАЕТЕ ЛИ, ДОБРЫЕ ЛЮДИ, послушать прекрасную повесть о любви и смерти? Это повесть о Тристане и королеве Изольде. Послушайте, как любили они друг друга, к великой радости и к великой печали, как от того и скончались в один и тот же день — он из-за нее, она из-за него.

В былые времена царствовал в Корнуэльсе король Марк. Проведав, что его враги на него ополчились, Ривален, король Лоонуа, переправился через море ему на помощь. Служил он ему и мечом, и советом, как то сделал бы вассал, и служил столь верно, что Марк наградил его рукою сестры своей, красавицы Бланшефлёр, которую Ривален полюбил несказанной любовью.

Он сочетался с нею браком в церкви Тинтажеля. Но едва успел он жениться, как до него дошли вести, что его старинный враг, герцог Морган, обрушившись на Лоонуа, разоряет его земли, опустошает нивы и города. Наскоро снарядил Ривален корабли и повез Бланшефлёр, беременную, в свою дальнюю страну. Пристав у своего замка Канозль, он оставил королеву на попечение конюшему своему Роальду, которому за его верность дали славное прозвище: Роальд Твердое Слово. Затем, собрав баронов, он отправился на войну.

Долго ждала его Бланшефлёр. Увы, ему не суждено было вернуться! Однажды она узнала, что герцог Морган вероломно убил его. Она не оплакивала его: ни стонов, ни сетований. Но ее члены сделались слабыми и безжизненными; душа ее страстно пожелала вырваться из тела. Роальд старался ее успокоить.

— Государыня! — говорил он. — Прикоплять горе к горю нет выгоды. Разве всем родившимся не предстоит умереть? Пусть же господь примет умерших, и да сохранит он живых!..

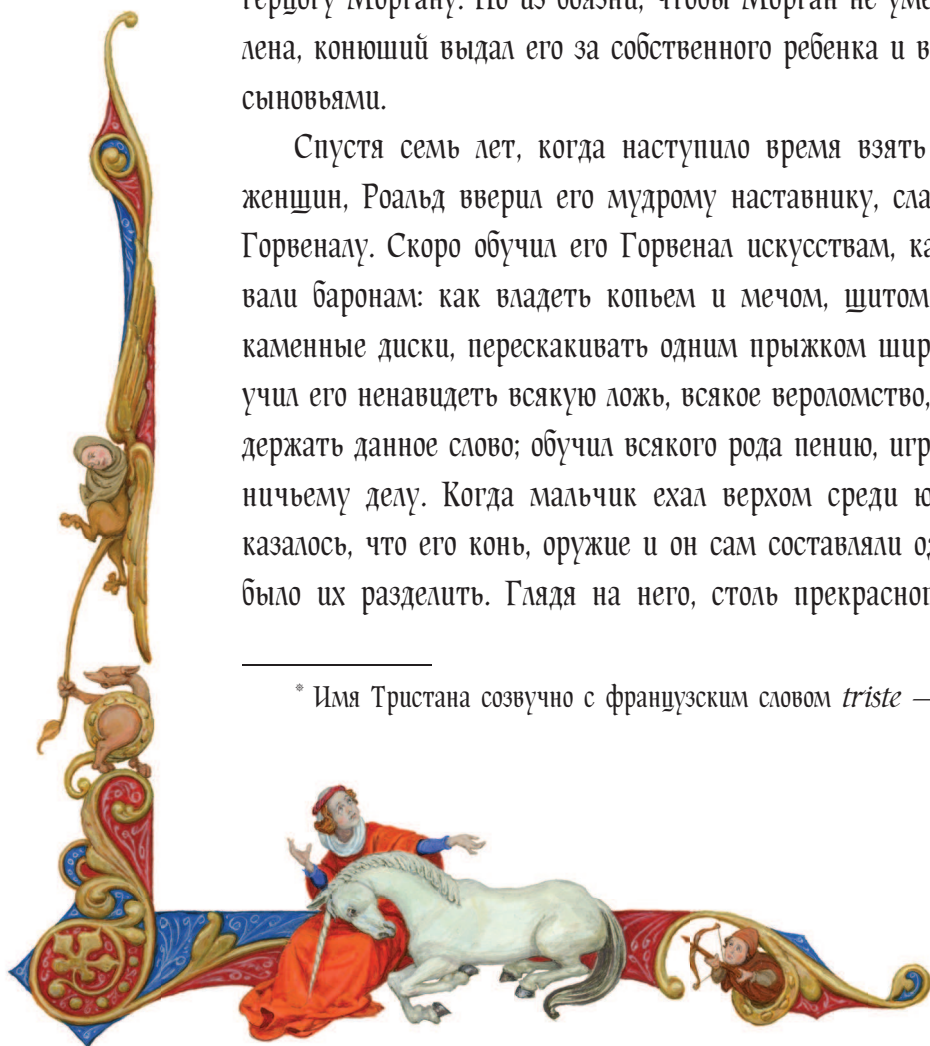
Но она не хотела его слушать. Три дня ждала она свидания с милым супругом; на четвертый родила сына и, взяв его на руки, сказала:

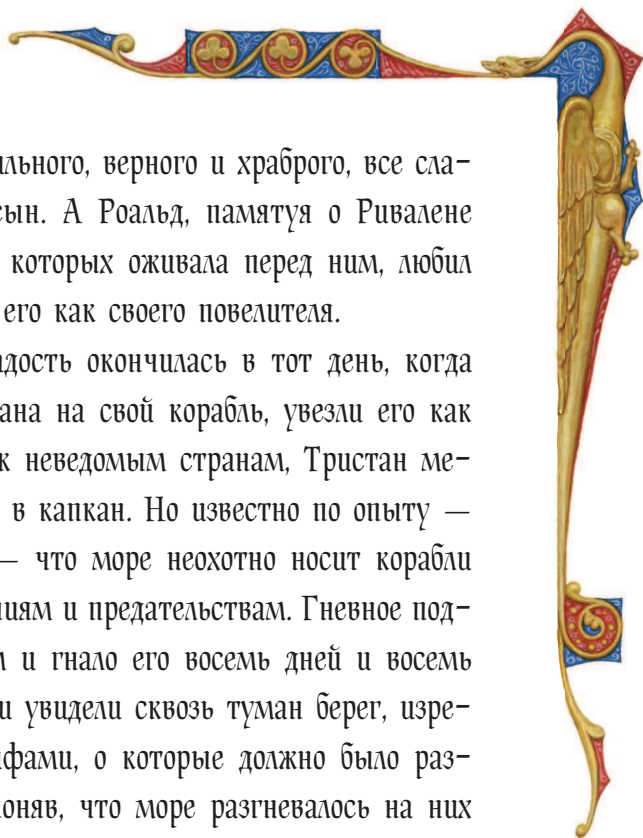
— Сын мой, давно желала я увидеть тебя: вижу прекраснейшее создание, какое когда-либо породила женщина. В печали родила я, печален первый мой тебе привет, и ради тебя мне грустно умирать. И так как ты явился на свет от печали, Тристан и будет тебе имя*.

Так сказав, она поцеловала его и, как поцеловала, скончалась. Роальд Твердое Слово взял на воспитание сироту. Уже воины герцога Моргана окружили замок Канозль. Как было Роальду долго выдержать войну? Правду говорят: «Отчаянность — не храбрость». Пришлось ему сдать герцогу Моргану. Но из боязни, чтобы Морган не умертвил сына Ривалена, конюший выдал его за собственного ребенка и воспитал со своими сыновьями.

Спустя семь лет, когда наступило время взять мальчика из рук женщин, Роальд вверил его мудрому наставнику, славному оруженосцу Горвеналу. Скоро обучил его Горвенал искусствам, какие приличествовали баронам: как владеть копьем и мечом, щитом и луком, бросать каменные диски, перескакивать одним прыжком широчайшие рвы; научил его ненавидеть всякую ложь, всякое вероломство, помогать слабым, держать данное слово; обучил всякого рода пению, игре на арфе и охотничьему делу. Когда мальчик ехал верхом среди юных оруженосцев, казалось, что его конь, оружие и он сам составляли одно целое и нельзя было их разделить. Глядя на него, столь прекрасного, мужественного,

* Имя Тристана созвучно с французским словом *triste* — печальный.

широкоплечего, тонкого в талии, сильного, верного и храброго, все славили Роальда, что у него такой сын. А Роальд, памятуя о Ривалене и Бланшефлёр, юность и прелесть которых оживала перед ним, любил Тристана как сына и втайне чтит его как своего повелителя.

Случилось так, что вся его радость окончилась в тот день, когда норвежские купцы, заманив Тристана на свой корабль, увезли его как славную добычу. Пока они плыли к неведомым странам, Тристан метался, как молодой волк, попавший в капкан. Но известно по опыту — и все моряки хорошо это знают, — что море неохотно носит корабли вероломных и не помогает похищениям и предательствам. Гневное поднялось оно, объяло корабль мраком и гнало его восемь дней и восемь ночей куда попало. Наконец моряки увидели сквозь туман берег, изрезанный утесами и подводными рифами, о которые должно было разбиться их судно. Они покаялись, поняв, что море разгневалось на них из-за этого ребенка, похищенного ими в недобрый час. Они дали обет отпустить его на волю и оснастили лодку, чтобы высадить его на берег. Тотчас же стихли ветры и волны, просияло небо; в то время как корабль норвежцев исчезал вдали, успокоенные и смеющиеся воды отнесли лодку Тристана к песчаному берегу.

С большим трудом взобрался юноша на утес и увидел, что за холмистой и пустынной степью простирается бесконечный лес. Он сокрушался, сожалея о Горвенале, Роальде, своем отце, и о земле Лоонуа, как вдруг далекий звук охотничьего рога и оклики развеселили его сердце. На опушке леса показался прекрасный олень. Свора собак и охотники неслись по его следам, голоса и трубя. Но когда несколько ищеек повисло на загривке зверя, он пал, в нескольких шагах от Тристана, на задние ноги при последнем издыхании, и один из охотников ударил его копьем. Между тем как, собравшись в кружок, они трубили об удаче, Тристан

с удивлением увидел, как старший охотник полоснул оленя по горлу, словно собираясь его перерезать.

— Что делаете вы, господин мой? — воскликнул он. — Пристало ли свежевать столь благородное животное, как свежуют заколотую свинью? Разве таков обычай этой страны?

— Друг мой, — ответил охотник, — что сделал я такое, что могло бы тебя удивить? Да, я отниму сначала голову оленя, потом рассеку тушу на четыре части, которые мы и отвезем, привязав к луке наших седел, королю Марку, нашему повелителю. Так поступаем мы; так поступали жители Корнуэльса со времен древнейших охотников. Если, однако, тебе знаком более достойный обычай, покажи нам его: вот тебе нож, друг мой, мы охотно у тебя поучимся.

Встав на колени, Тристан содрал с оленя шкуру, прежде чем разнять его; затем разнял, как подобало, не трогая крестца, отобрал потроха, морду, язык, бедра и сердечную жилу.

И охотники, и доезжачие, склонившись над ним, смотрели и любовались.

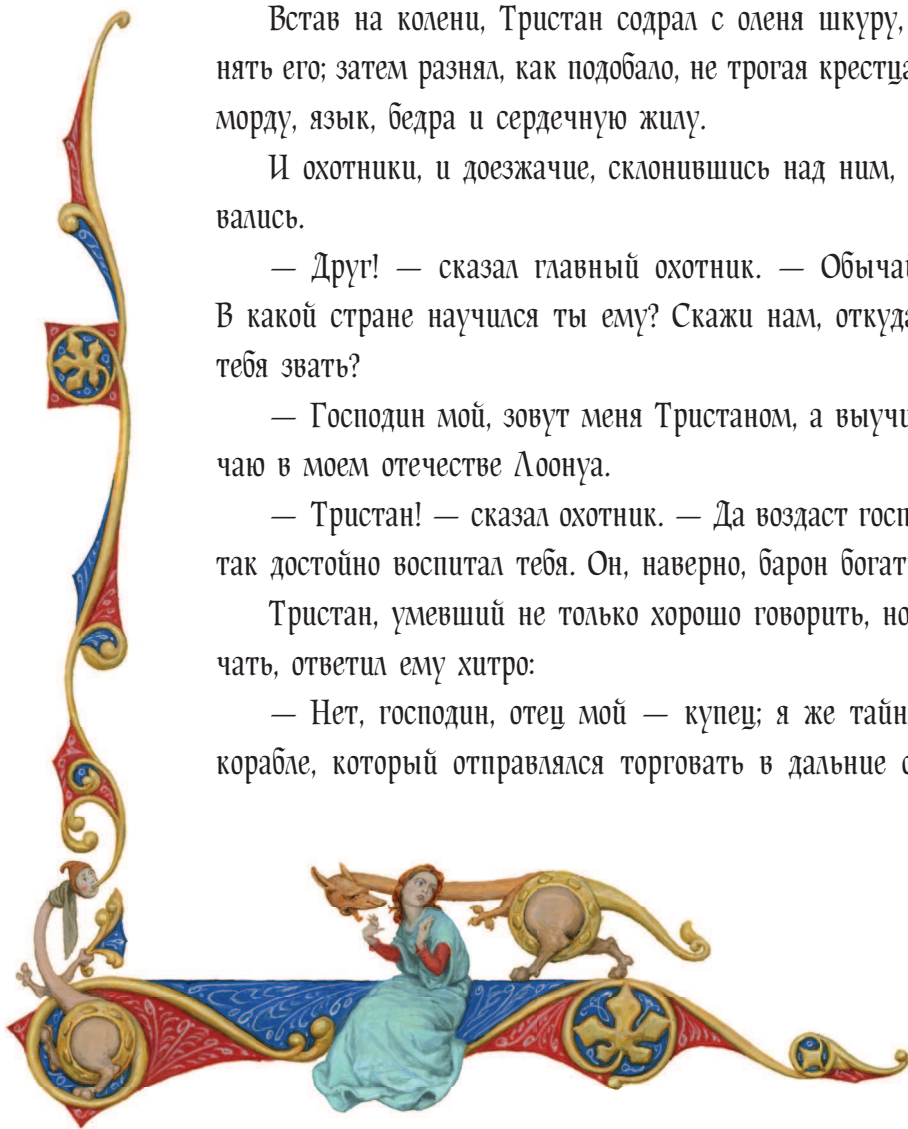
— Друг! — сказал главный охотник. — Обычай этот прекрасен. В какой стране научился ты ему? Скажи нам, откуда ты родом и как тебя звать?

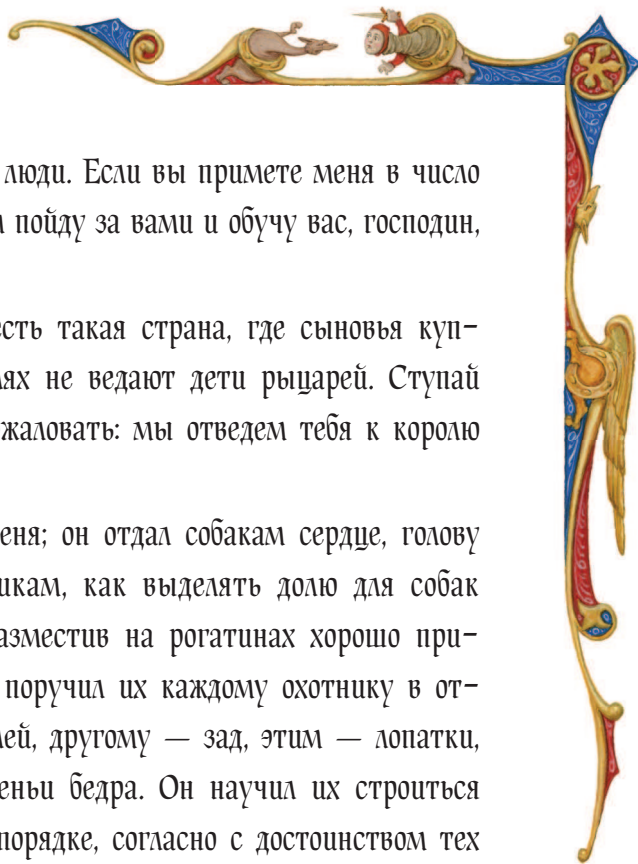
— Господин мой, зовут меня Тристаном, а выучился я этому обычаю в моем отечестве Лоонуа.

— Тристан! — сказал охотник. — Да воздаст господь отцу, который так достойно воспитал тебя. Он, наверно, барон богатый и могучий.

Тристан, умевший не только хорошо говорить, но и с толком молчать, ответил ему хитро:

— Нет, господин, отец мой — купец; я же тайно покинул дом на корабле, который отправлялся торговать в дальние страны, ибо хотел

узнать, как в чужих землях живут люди. Если вы примете меня в число своих охотников, я с удовольствием пойду за вами и обучу вас, господин, и другим утехам охоты.

— Дивлюсь я, Тристан, что есть такая страна, где сыновья купцов знают то, чего в других землях не ведают дети рыцарей. Ступай же с нами, если хочешь! Добро пожаловать: мы отведем тебя к королю Марку, нашему повелителю.

Тристан кончил разнимать оленя; он отдал собакам сердце, голову и внутренности и показал охотникам, как выделять долю для собак и подзывать их на рог. Затем, разместив на рогатинах хорошо приготовленные части оленьей туши, поручил их каждому охотнику в отдельности: одному — большой филей, другому — зад, этим — лопатки, тем — задние ноги, этому — оленьи бедра. Он научил их строиться попарно, чтобы ехать в хорошем порядке, согласно с достоинством тех частей дичи, которые торчали на рогатинах.

И вот они отправились в путь и ехали, беседуя, пока не очутились перед прекрасным замком. Его окружали луга, плодовые сады, живые воды, рыболовные тони и пахотные поля. Множество кораблей заходило в гавань. Замок возвышался над морем, крепкий и красивый, хорошо защищенный против всякого приступа и осадных орудий; а главная его башня, некогда воздвигнутая великанами, была построена из каменных глыб, огромных и хорошо обтесанных, расположенных как шахматная доска с зелеными и голубыми клетками.

Тристан спросил, как зовется замок.

— Зовут его Тинтажель.

— Тинтажель? — воскликнул Тристан. — Да будешь ты благословен от бога, ты и твои хозяева!

Здесь, добрые люди, некогда в великом веселии отец его Ривален сочелся браком с Бланшефлёр. Но, увы, Тристан не знал об этом! Когда они подъехали к замковой башне, звуки охотничьих рогов привлекли к воротам баронов и самого короля Марка.

Когда старший охотник рассказал ему о приключившемся, Марк залюбовался прекрасным распорядком поезда, хорошо свежаванным оленем и великим смыслом охотничьего обихода. Но в особенности восхищался он чудным юношей-чужестранцем, и его глаза не могли от него оторваться.

«Откуда у меня эта внезапная нежность?» — спрашивал король свое сердце, а понять не мог. То была его собственная кровь, добрые люди: она-то заходила и заговорила в нем. То была любовь, которую он некогда питал к сестре своей Бланшефлёр.

Вечером, когда унесли столы, уэльский жонглер*, мастер своего дела, появился среди собравшихся баронов и запел песни под звуки арфы. Тристан сидел у ног короля. И когда певец сыграл прелюдию к новой мелодии, он обратился к нему с такой речью:

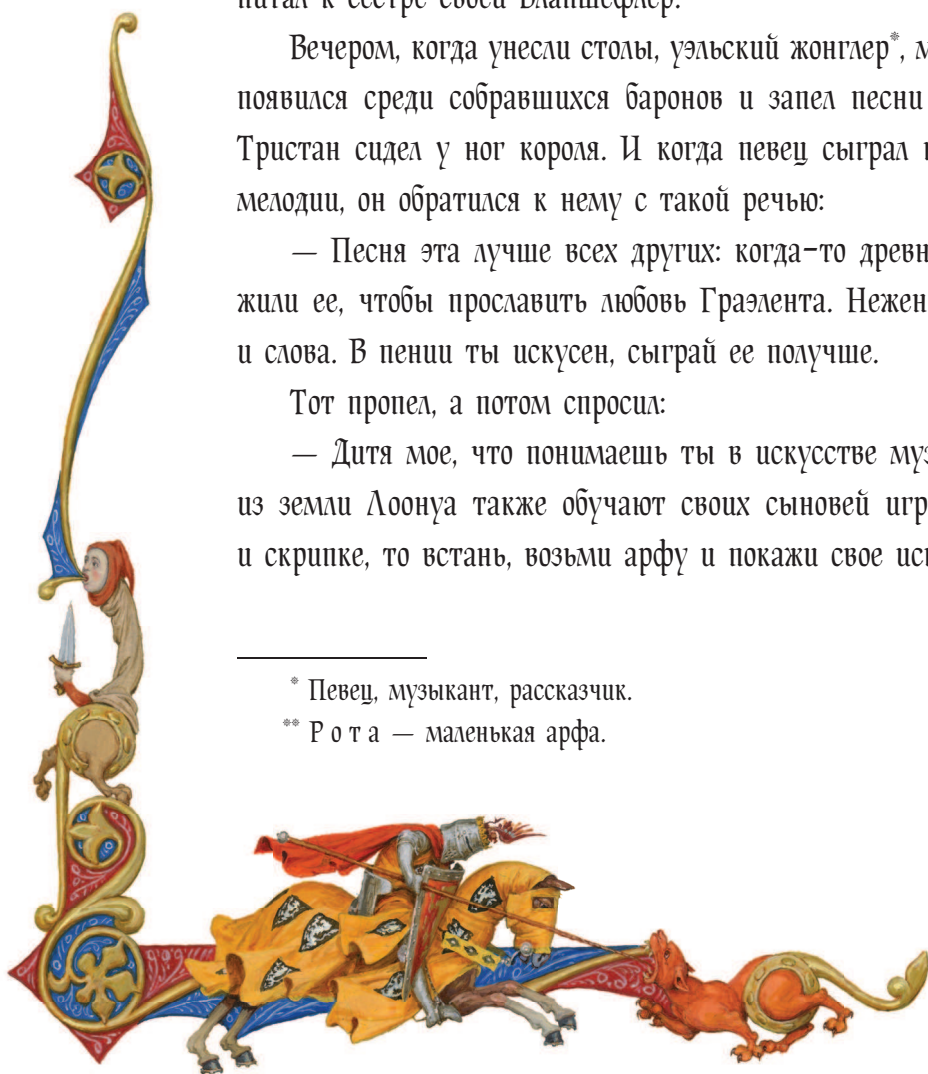
— Песня эта лучше всех других: когда-то древние бретонцы сложили ее, чтобы прославить любовь Граэлента. Нежен ее мотив, нежны и слова. В пении ты искусен, сыграй ее получше.

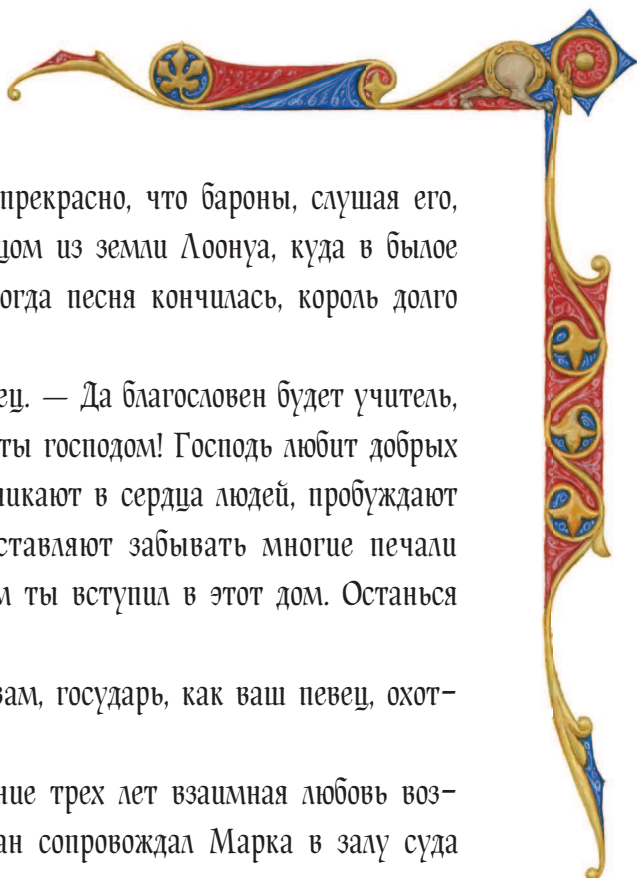
Тот пропел, а потом спросил:

— Дитя мое, что понимаешь ты в искусстве музыки? Если купцы из земли Лоонуа также обучают своих сыновей игре на арфе, роте** и скрипке, то встань, возьми арфу и покажи свое искусство.

* Певец, музыкант, рассказчик.

** Рота — маленькая арфа.

Тристан взял арфу и спел так прекрасно, что бароны, слушая его, умилялись, а Марк восхищался певцом из земли Лоонуа, куда в былое время Ривален увез Бланшефлёр. Когда песня кончилась, король долго молчал.

— Сын мой! — сказал он наконец. — Да благословен будет учитель, который обучил тебя, благословен и ты господом! Господь любит добрых певцов. Их голос и голос арфы проникают в сердца людей, пробуждают в них дорогие воспоминания и заставляют забывать многие печали и многие злодеяния. На радость нам ты вступил в этот дом. Остайся надолго со мной, друг мой.

— Я с удовольствием послужу вам, государь, как ваш певец, охотник и ленник.

Так он и сделал. И в продолжение трех лет взаимная любовь возрастала в их сердцах. Днем Тристан сопровождал Марка в залу суда или на охоту; а ночью в королевском покое, где он спал вместе с другими ближними и верными людьми, играл на арфе, чтобы утолить горе короля, когда тот бывал печален.

Бароны души в нем не чаяли, особенно сенешал Динас из Лидана, как то покажет вам повесть. Но нежнее баронов и Динаса из Лидана любил его король. Однако, несмотря на их нежность, Тристан был неутешен, что утратил отца своего Роальда, наставника Горвенала и землю Лоонуа.

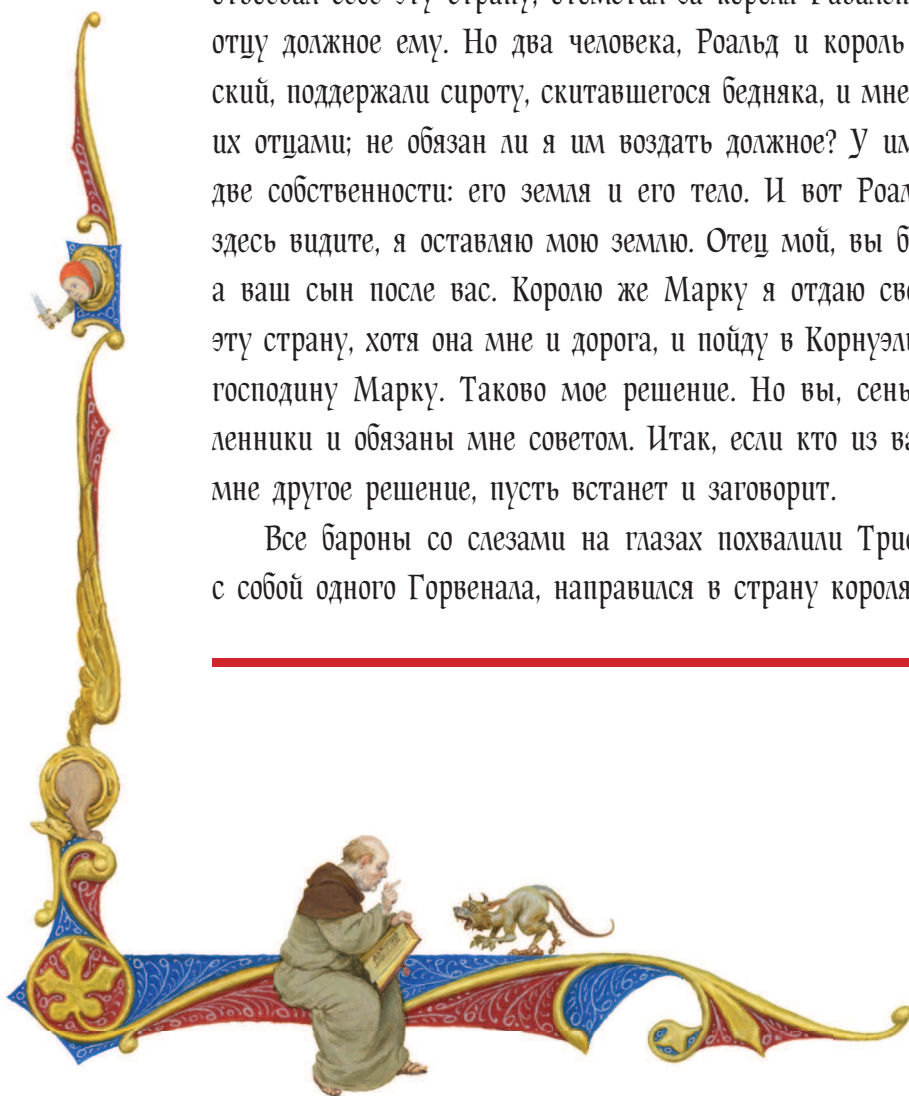
Добрые люди! Рассказчику, который хочет понравиться, пристало избегать слишком долгих повествований. Предмет этой повести так прекрасен и разнообразен — к чему же удлинять рассказ? Вот я и скажу вкратце, как, проблуждав долгое время по морям и странам, Роальд Твердое Слово пристал к Корнуэльсу, нашел Тристана и, показав Марку карбункул, когда-то данный королем Бланшефлёр как дорогой брачный подарок, сказал ему:

— Король Марк, этот юноша — Тристан из Лоонуа — ваш племянник, сын вашей сестры Бланшефлёр и короля Ривалена! Герцог Морган несправедливо владеет его землей, пора бы вернуться ей к законному наследнику.

Скажу вкратце, что, приняв от своего дяди посвящение в рыцари, Тристан поехал за море на корнуэльских кораблях, заставил боевых вассалов своего отца признать себя, вызвал на бой убийцу Ривалена, убил его и вступил во владение своей землей. Потом он размыслил, что король Марк не может более быть счастлив без него; и так как благородство сердца всегда указывало ему на самое мудрое решение, он созвал своих графов и баронов и так сказал им:

— Сеньоры Лоонуа! По божьей милости и при вашей помощи я отвоевал себе эту страну, отомстил за короля Ривалена и воздал моему отцу должное ему. Но два человека, Роальд и король Марк Корнуэльский, поддержали сироту, скитавшегося бедняка, и мне подобает назвать их отцами; не обязан ли я им воздать должное? У именитого человека две собственности: его земля и его тело. И вот Роальду, которого вы здесь видите, я оставляю мою землю. Отец мой, вы будете владеть ею, а ваш сын после вас. Королю же Марку я отдаю свое тело; я покину эту страну, хотя она мне и дорога, и пойду в Корнуэльс служить моему господину Марку. Таково мое решение. Но вы, сеньоры Лоонуа, мои ленники и обязаны мне советом. Итак, если кто из вас хочет внушить мне другое решение, пусть встанет и заговорит.

Все бароны со слезами на глазах похвалили Тристана. А он, взяв с собой одного Горвенала, направился в страну короля Марка.

ОГДА ТРИСТАН ТУДА ВЕРНУЛСЯ, Марк и все его бароны были в глубокой печали, ибо король Ирландии снарядил флот, чтоб опустошить Корнуэльс, если Марк вновь откажется, как то делал в течение пятнадцати лет, платить дань, которую некогда платили его предки.

Да будет вам ведомо, что по старым договорам ирландцы имели право взимать с жителей Корнуэльса в первый год триста фунтов меди, во второй — триста фунтов серебра, а в третий — триста фунтов золота; когда же наступал четвертый год, они брали триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. И вот в этот год король послал в Тинтажель со своим требованием исполинского рыцаря Морольда, на сестре которого он был женат; этого Морольда никто никогда не мог победить в бою.

Король Марк письмами за своей печатью собрал ко двору всех баронов своей земли, чтобы с ними держать совет. В назначенное время, когда бароны собрались в сводчатую залу дворца и Марк уселся на троне, Морольд повел такую речь:

— Король Марк, услышь в последний раз наказ короля Ирландии, моего повелителя! Он приглашает тебя уплатить наконец дань, которую ты ему обязан. А за то, что ты долго в ней ему отказывал, он требует, чтобы ты выдал мне сегодня же триста юношей и триста девушек пятнадцатилетнего возраста, избранных по жребию из корнуэльских семей. Корабль мой, стоящий на якоре в гавани Тинтажеля, увезет их, и они станут нашими рабами. Но если кто-либо из твоих баронов (я исключаю